

★
Саша Готти

ВЛАДА и ТАЙНЫЙ ПРИЗРАК

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г74

Серия «Волшебные истории»

Обложка и иллюстрации *Саши Готти*
Серийное оформление *Юлии Межовой*

Готти, Саша
Г74 Влада и тайный призрак / Саша Готти. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 221, [1] с. (Волшебные
истории).

ISBN 978-5-17-115433-2

Ей — тринадцать. Очередное лето в городе. Скучные каникулы в компании лжеподруг-одноклассниц на исходе, а впереди ее ждут обычная школа и обычная жизнь...

В один из последних летних дней все меняется. Одна случайная встреча — и в ее жизни появляются совершенно незнакомые и невидимые для людей существа...

© Саша Готти, текст, 2019
© Саша Готти, ил., ил. для обл., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

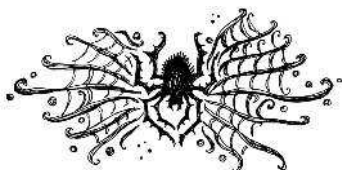
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДВОР
НА САДОВОЙ УЛИЦЕ

ГЛАВА 1

Жильцы из тринадцатой квартиры

Стрелки часов приближались к половине восьмого, но закатное солнце, нехотя сползая за дома, продолжало обжигать город лучами, а наступающие сумерки не обещали долгожданной прохлады.

Вечер пятницы выдался жарким и душным, и городские крыши были так сильно нагреты за день, что ни один здравомыслящий кот не решился бы пробежать по ним, чтобы не обжечь лапы.

Август шел к концу, и солнце знало, что оно самое главное в городе, поэтому с самого утра лезло повсюду, пытаясь расплавить асфальт на улицах, высушивая траву на газонах и пробираясь в квартиры, чтобы залить их жарой и духотой.

Раскалило оно за день и заросший кустами сирени старый двор на Садовой улице, который со всех сторон обступили неуклюжие дома, зияющие темными и сырыми подворотнями. Этот двор был

Двор на Садовой улице

самым обычным двором, каких полно в старом центре Петербурга, и почти все его жильцы тоже были самыми обычными людьми.

Почти все, кроме одной, очень странной семьи, которая проживала в квартире номер тринадцать.

В этой семье не было ни мамы, ни папы — только дедушка и его тринадцатилетняя внучка. Дедушке, если верить слухам, уже перевалило за девяносто. Внучка, самая обыкновенная девочка, ходила в школу, а после занятий играла с подружками во дворе. И все шло бы в этой семье как обычно, если бы не загадочные вещи, которым некоторые любопытные соседи не находили никакого объяснения.

Вот и сейчас две пожилые соседки, заняв скамейку, с которой можно было наблюдать за всем двором, обсуждали жильцов квартиры номер тринадцать.

— Бедняжка, девочка растет без матери и отца! — восклицала Нина Гавриловна, грузная женщина с пышной прической и тремя подбородками. — А вы видели ее волосы? Кошмар... Дед в одиночку ее тянет, а ведь ему чуть ли не сто лет!

— А я слышала вот что, — зашептала Марья Петровна, которую тощая шея и выпученные глазки делали похожей на суслика. — Мама Анжелочки, той, что из двенадцатой квартиры, рассказывала,

как на родительском собрании в школе учительница спросила этого самого деда, кто родители девочки и есть ли еще какая-нибудь родня. И знаете, что он ей ответил?

— Что же? — округлив глаза, спросила Нина Гавриловна.

— Он велел ей не вмешиваться не в свое дело, вот что он ответил! Да так глазами зыркнул, что школьная доска треснула, во как! — Марья Петровна откинулась на скамейке, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Да-а-а... — покачала головой Нина Гавриловна. — Ну, я думаю, школьная доска просто была старая, и это совпадение. Но что правда, то правда, — он что-то скрывает. Если нет родителей, то должны же быть хоть какие-нибудь тети или дяди, например. Я внимательно наблюдаю за этой семьей и могу точно сказать, что у них нет никого, совсем никого!

— Что хорошего получится из ребенка, который растет во дворе и ничего не видит, кроме стен? — с деланной заботой вздохнула Марья Петровна. — Разве дряхлый старик может нормально растить девочку? Говорят, он вырезает и продает какие-то фигурки, на то и живут... Как же его имя, никак не могу запомнить... Вам... э-э-э... Вандер Францевич, уф... Еле выговори-

Двор на Садовой улице

ла. Наверное, воображает себя графом, с таким-то именем! Хотя фамилия у них самая обычная — Огневые!

Обе соседки захихикали, но тут же смолкли, потому что из-за угла дома показался Вандер Францевич Огнев — сухенький и сгорбленный, с зачесанными назад седыми волосами, одетый в хо-рошо отглаженный темный старомодный костюм. Лицо его было бы самым обычным, если бы не большой орлиный нос с горбинкой и внимательные строгие глаза под нависшими густыми бровями. Он нес пакет, набитый продуктами, и шел медленно и осторожно, трясущейся рукой опираясь на палочку.

— Добрый вечер, Вандер Францевич! — заискивающе пропела Нина Гавриловна. — А вы из магазина, все хлопчете... Я завтра зайду к вам, принесу лекарства, мне удалось достать дешево, со скидочкой...

— Добрый вечер, большое спасибо, — ответил стариковским надтреснутым голосом Вандер Францевич, учтиво приподняв шляпу, и скрылся в подъезде дома.

— Вы видели?! — прошипела Нина Гавриловна своей собеседнице. — В пакете-то, кроме хлеба и кабачков, — кофе! И он его пьет, в его-то возрасте?

— Пьет, я сама видела, когда к ним заходила, — подхватила Марья Петровна, качнув пышной прической. — И знаете, что еще странно? — понизив голос, зашептала она. — На прошлой неделе, когда меня мучила бессонница, я посмотрела вечерние новости и решила полить герань. Подхожу к окну с лейкой, и что бы вы думали? Вижу, как наш Вандер Францевич идет из магазина домой. И шел он не как сейчас, с палочкой, а будто молодой, вот как... А за ним крался кто-то странный, будто и не человек, а не поймешь что. А когда старик наш зашел в подъезд, та фигура постояла, постояла, а потом рассыпалась и исчезла, словно никого и не было. Мне аж жутко стало, даже успокоительное пришлось выпить...

— Да не может быть такого! Наверное, дорогуша, вам из-за бессонницы привиделось... — недоверчиво протянула Нина Гавриловна.

Обе дружно заморгали ресницами и замолчали, переваривая сказанное.

Спустя некоторое время окно на третьем этаже отворилось, и по двору разнесся голос Вандера Францевича:

— Влада, иди ужинать!

Внучка, болтавшая с подружками на качелях, помахала деду рукой.

— Еще пять минут, деда!!!

Двор на Садовой улице

Она закрыла глаза и раскачалась, подставив лицо горячему ветру.

В этой невысокой тоненькой девочке с большими серыми глазами не было бы ничего примечательного, если бы не странные темные волосы, отливавшие на солнце разными оттенками синего, зеленого и фиолетового. В школе они доставляли Владе немало неприятностей — учителя требовали, чтобы она немедленно смыла краску, а девчонки распускали слухи, что Влада моет голову нефтью с бензином, поэтому волосы и переливаются. В конце концов Влада решила сооружать тугий пучок и носить кофты и свитера с капюшонами, чтобы ее перестали доставать.

— Влада, беги домой скорее-е-е, — передразнила белокурая Анжела, заносчивая и избалованная девчонка. — Ты так никуда и не поедешь этим летом, останешься в городе?

— Видимо, да, — не слишком охотно ответила Влада.

— Как так можно жить, я не понимаю, — громко заявила Анжела. — Я вот уже с папой и мамой отдохнула и в Греции, и во Франции, а до сентября мы слетаем в Италию. А у твоего деда, видимо, совсем нет денег, ты ведь никогда никуда не едешь отдыхать.

— Я и не хочу никуда уезжать летом, мне и в городе нравится, — тихо ответила Влада.

На самом деле, конечно, ей очень хотелось съездить куда-нибудь, искупаться в теплом лазурном море, позагорать на пляже. Куда уж ей было до красивой и всегда модно одетой Анжелы, которую папа и мама каждое лето возили в Италию, а на зимние каникулы — в Финляндию. А для Влады самыми дальними путешествиями были школьные экскурсии в Планетарий и в Ботанический сад. Да и лучшие ее наряды Анжела сразу выбросила бы на помойку.

Влада знала, что они с дедом живут на то, что удастся выручить от продажи фигурок. Дед вырезал их из камней, которые подбирал где придется. Вообще-то вырезать фигурку из камня очень сложно, но у деда был нож, который они оба в шутку называли «волшебным», — очень старинный, из какого-то редкого металла. На его ручке сверкала россыпь драгоценных камней. Он резал камень, как масло, и дед, вырезая причудливые фигурки, напоминавшие гоблинов или троллей, только маленьких, размером с мизинец, нес их в ближайшую антикварную лавку. Продавец лавки каждый раз, цокая языком, рассматривал их и бормотал, что это редчайшая работа по камню редчайшим инструментом, но цену давал неболь-

Двор на Садовой улице

шую. Зато из антикварной лавки дед сразу же шел в магазин и домой приносил сумку, полную продуктов.

— И вообще вы странные с дедом, потому что к вам никто никогда не приходит и не звонит, будто вы одни на свете. Так моя мама говорит, — сказала нравоучительным тоном Полина Рыжова, веснушчатая девочка с круглыми, как у совы, глазами, и копной рыжих волос.

— Влада! Ужин сейчас остынет! — снова позвал дед.

Влада, попрощавшись с подругами, побежала домой, где замечательно пахло жареными кабачками, которые уже вовсю шипели в масле на сковородке, заглушая бормотание телевизора.

Вандер Францевич готовил из самых простых продуктов, но вкусно, умудряясь даже обычную картошку или кабачки поджарить так, что пальчики оближешь. Вообще ее деда можно было бы назвать образцовым, если бы не несколько сложных вопросов, которые она и хотела обсудить с ним сегодня за ужином.

Влада положила в тарелку несколько ломтиков кабачка и села за стол.

— Я надеюсь, это не кофе? — спросила она, с подозрением глядя на кружку, которая стояла на столе.

— Нет-нет, это цикорий, — поспешно ответил дед, пододвигая кружку к себе поближе.

— Ага, понятно, — Влада строго взглянула на него. — Цикорий, значит? А пахнет он натуральным черным кофе, как странно, правда?

— Внучка, я прошу тебя, не надо сегодня опять начинать разговор про кофе, — дед приложил руку к сердцу. — Я уже старик, мне трудно с тобой спорить. Принеси мои таблетки, пожалуйста.

— Я принесу, только в упаковке с валидолом лежат мятные леденцы, а настоящий валидол ты никогда не принимаешь, — ответила Влада. — Ты сам-то поел? Что-то я не видела, чтобы ты ел, только кофе пьешь без конца... Дед, ты меня слышишь?

Вандер Францевич промычал что-то невразумительное, подошел к телевизору и прибавил громкости.

— А теперь перейдем к городским курьезам, — радостно продолжал розовощекий диктор. — Среди местных жителей распространяются слухи о призраке, который бродит в самом центре нашего города. Многие очевидцы наблюдали, как по дворам ночью ходит одинокая фигура. Завидев кого-то из запоздавших прохожих, фигура рассыпается и исчезает. Остается только надеяться, что подобные слухи горожане воспримут не серьезно, а как следствие жаркой и душной погоды...

Двор на Садовой улице

И наконец расскажем о погоде на остаток августа. По сообщениям синоптиков, аномальная изнуряющая жара к началу осени сменится сильнейшей грозой...

Со двора вдруг донеслись радостные крики ребят: те готовились к дворовому матчу и встречали команды свистом и хлопками в ладоши.

— Последние дни лета проходят, шла бы ты погулять после ужина, — вздохнул дед. — И кстати, я очень хотел бы, чтобы ты больше общалась с людьми. Нельзя их сторониться, Владочка. Сейчас шел по двору — заметил, какая ты сидела хмурая рядом с подругами.

— Иногда мне кажется, что у меня нет подруг, — буркнула Влада, но тут же пожалела о сказанном.

— Как это — нет подруг? — расстроился дед. — Неужели люди избегают тебя? Но это... совершенно невозможно!

— Да я пошутила, а ты поверил, — поспешно начала врать Влада. — У меня полно друзей и в школе, и во дворе. Анжела, Полина. Или, например, Макс Громов. Он сегодня вечером пригласил меня на дворовой матч. Ребята будут играть в волейбол или футбол, точно не знаю...

— Отлично! Конечно, сходи! — расцвел дед радостной улыбкой. — Обязательно!

Конечно, не стоило говорить деду, что Макс Громов вряд ли даже узнал бы Владу на улице. Его взгляд скользил по ней, как по самой неинтересной части пейзажа. Зато ему очень нравились светлые волосы Анжелы.

Как только Влада вышла на лестничную площадку, соседняя дверь — квартиры номер двенадцать, где жила Анжела с родителями, — открылась. Оттуда показался папа Анжелы, упитанный мужчина в шелковом халате, с массивной золотой цепочкой на шее и с сигарой в зубах. Вслед за соседом на площадку выбежал огромный пес, черный ротвейлер, которого Влада боялась как огня. Едва завидев ее во дворе, этот ротвейлер начинал лаять и рваться с поводка, будто хотел разорвать ее на куски. Вот и теперь, почуяв ее, он оглушительно залаял и зарычал, оскалив огромные клыки.

— Фу, Кондор, фу... — схватив собаку за ошейник, сказал мужчина в халате. — Добрый вечер... э-э-э... Вандер Францевич. Помните наш разговор насчет вашей квартиры? Когда продадите? Я долго ждать не намерен, у меня планы.

— Добрый вечер, Лев Михайлович, — поздоровался дед, нахмурившись. — Я уже говорил: квартира не продается. Купите другую.

Отцу Анжелы ответ явно не понравился. Этого солидного, уверенного в себе бизнесмена боялись